

ПОЭТИЧЕСКАЯ
СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО
КЛУБА
«КЛАССИКИ
XXI ВЕКА»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«КЛАССИКИ XXI ВЕКА»

Ганна
Шевченко
*домохозяйкин
блюз*

Москва
2012

Редактор серии
Елена Пахомова
Идея серии
Руслан Элинин

Книга издана тиражом 100 экз.
к творческому вечеру автора.

Экземпляр № _____

Шевченко Г.

Домохозяйкин блюз / Ганна Шевченко ;
Литературный клуб «Классики XXI века». —
М., 2012. — 79 с.

ISBN 978-5-905046-11-7

© Шевченко Г., текст, 2012

© «Ваггу&Вгом», дизайн, 2012

«Потому что уже никогда»

Если отвлечься от того, «как» и обратиться к тому — «что», можно условно выделить два полюса поэтического видения мира. Один — скажем так, тотальное приятие, другой — тотальное неприятие. Радость или экзистенциальный ужас. И то и другое не отрицает полноту жизни, ее грозную красоту, но эта полнота переживания, эта интенсивность проживания — с противоположными знаками.

Тотальное приятие, умиление теплым и живым, любование, некоторое даже самолюбование — лирическая героиня тоже ведь *такая хорошая* — это, среди поэтических сверстниц Ганны Шевченко, ну, например, Аня Логвинова. Шевченко, тоже Анна — полная ее противоположность. Даже выбор поэтического имени здесь показателен. «Аня» — звучит мило, почти по-детски. Ганна — агрессивно и на русский слух несколько экзотично (а на украинский — вполне естественно: Ганна это и есть Анна). Украинские корни, насколько я понимаю, у обеих. Странная симметрия, день и ночь.

Темноволосая красавица Аня пишет светлые стихи — о жизни как она есть. Светловолосая красавица Ганна о той же жизни как она есть — стихи темные. Скажем, темные, как украинская ночь с сияющими страшными звездами, пылающими сквозь «садок вишневый коло хаты». Что-то огромное, беспощадное и чуждое человеку, проглядывающее за обычной жизнью, пожирающее эту обычную жизнь. Если нужно написать быт, так чтобы он стал страшным — это к Ганне Шевченко.

...Потом они ложатся в постель,
укрываются пледом и спят.
Спят. Спят. Спят.
Прижавшись друг к другу спинами,
восемь часов подряд.

Утром он кричит ей:
— Вера, у нас кончилась бумага!
Она ворчит сквозь сон.

Затем встает, прихрамывает,
подает ему новый рулон.

Пространство быта схлопывается до автоматизма, где нет
уже места любви, и, что самое страшное, нет надежды.

Были б дети, пекла б пироги,
молодилась, за внуком смотрела,
а теперь под глазами круги,
и тяжелое, сонное тело.

Потому что пришли холода,
одиночество, осень, простуда,
потому что уже никогда,
никого, ничего, ниоткуда.

Старухи частые гости в стихах Ганны Шевченко, это вестницы даже не смерти, а безнадежности, голоса с той стороны, где «никогда, ничего, ниоткуда», страшные посланницы ужаса, гигантские тени из будущего, равновеликие домам и деревьям.

Однажды придёт занимательный день —
старуха падёт на плетень,
взойдет из оврага навстречу ветрам,
и скажет: «Пожалуйста, вам».
Спрошу её: «Где ты так долго была,
зачем ты в овраге спала,
зачем распрямилась на стыке угла,
зачем над дорогой взошла?»

Это мир, где жизнь слишком приближена к смерти.
И наоборот — мертвая рыба, поданная на стол, все равно до какой-то степени живая, а мертвая кошка смотрит на лирическую героиню из зеркала. Люди молчат, но начинают говорить предметы. Чудо возможно, но это страшное чудо. Вообще создается впечатление некоей завороченности хтоническим напором — словно поэт одновременно и боится его, и восхищается им.

Если же все же вернуться к тому «как», то стихи Ганы Шевченко очень плотные, блюзовые (см. название книги), *витальные* — та самая материя, которая противостоит этой тотальной хтоничности. Частью потому, что их бурная избы-

точность несет в себе некоторые признаки украинской просодии и украинского барочного жизнелюбия.

И, наконец, каждый поэт должен написать хотя бы одно хорошее стихотворение про поезд. Есть такое и у Ганны Шевченко.

Вот мое тело, важный, простой белок,
едет через таможду, а за окном все то же:
ночь, привокзальный морок, улица и фонарь,
медленный пограничник в белой рубашке, боже,
вот моя сумка, я трепещу как тварь,
вдруг обнаружит, что у меня под кожей
спрятан в коробке сам Александр Блок,
спит как щенок, прихлопнув себя рогожей...

Стало быть, все в порядке.

Мария Галина

Учу разговаривать

Это мир почти без примет, без привычных поэтических ходов и тропов, без броских метафор и цветистых гиперболов. Поначалу кажется, что в нем существуют только два контрастных цвета — белый и черный — и существуют они в незатухающем, незатихающем противоборстве, взаимно поддерживая, но и уничтожая друг друга. Черно-белая вселенная, хирургический холодок и независимая, своя позиция.

зрение мечется
от плюса к минусу
не различая
где крест могильный
а где нательный
вот микрочастица
лежит отдельно
трудно разобрать что это
семечко или пожар...

Вот так, без всяких побряжек читателю, без скидок и подсказок пишет свои стихи Ганна Шевченко, не стремясь завлечь его «сюжетом», остротой, каламбуром, зарифмованным анекдотом — всем тем, без чего сегодня не обходится множество стихотворцев. Ее поэтика подчеркнута угловата, геометрически выверена, чуть сюрреалистична. Реальность в этих стихах взята в каком-то совершенно непривычном ракурсе, и даже вполне узнаваемые земные подробности и приметы только подсвечивают некую условность, *остраненность* (пользуясь термином В. Шкловского), своеобычность этого мира. Начинаясь во вполне обыденной привычной ситуации — в магазине, на кухне, на улице городка — стихотворение неуловимым поворотом, немислимым виражом уходит в запредельные миры, где все *не так*, где привычное, знакомое обретает новое измерение, обрастает новыми смыслами.

Так получилось, что прежде стихов я прочел прозу Ганны, книгу ее рассказов с — опять же — подчеркнuto приземленным названием «Подъемные краны». (У Ганны, кстати, есть

и стихи с таким названием, но, будем считать, что пристрастие к этим механизмам, наверно, тема отдельного и отдаленного исследования). И уже тогда подивился тому, что нашел сейчас в ее стихах: необычности угла зрения, изобразительному минимализму, спортивной подобранности, «неразжевывании» того, о чем она хочет сказать. А еще — тем удивительным метаморфозам, которые претерпевает в них реальность. И совершенно отчетливо стало ясно, что тебя «не дурят», не интелресничают, что человек так видит, так понимает и так творит. Хочешь, — читай и принимай, не нравится — и не надо.

Я, конечно, слегка утрирую: Ганна на редкость тонкий и деликатный человек, но, тем не менее, своего творческого почерка в угоду, допустим, публичному успеху она не изменит, потрафлять публике не будет. Она выбрала свою манеру, создала свой мир, а теперь он создает ее. Она сдержана, но не суха, иронична, а не сентиментальна, она прекрасно понимает, что легкость идет рука об руку с тяжестью, а любовь неразделимо сопряжена с ответственностью, что поэзия начинается там, где сквозь нее просвечивает проза. Да и положение поэта в этом мироздании совсем незавидное и не очень-то романтическое: «я стою под закрытым небом, в закрытой степи и дергаю ручку двери, торчащую из снега...». Порой эта манера кажется чрезмерной, слишком максималистской: «потому что уже никогда, никого, ничего, ниоткуда». Но чаще, как это и положено в настоящих стихах, происходит прорыв, преодоление.

Разумеется, я несколько намеренно преувеличил жесткость и черно-белый аскетизм ее творчества. Да, так сначала кажется, но в том-то и чудо, что эти стихи (рассказы, кстати, тоже) неуклонно приручают тебя или приручаются сами, как угодно. При всматривании в них, при внимательном пристрастном чтении они — и тут уж не до поисков точных формулировок, все равно ведь точнее стихов не скажешь, они сами за себя ответят — словно расцветают, наполняются теплом и светом, живым и удивительно женственным содержанием, гулом и гудом подлинной жизни, что беспечно или озабоченно течет рядом: «и превратилась во что-то цветущее, похожее на слово «клумба».

Или:

Вот он, танцующий воздух, кружится у костра,
легким прозрачным платьем делает ветерок.

Скатерть поляны тихой ласкова и пестра,
возле огня неспешно выгорел ободок

Тут мне приходится удерживать себя от обильного цитирования, от перечисления множества точных, рельефных деталей, зорко увиденных подробностей, неожиданно и щедро прорывающихся чувств и страстей. Пожалуй, удержусь, ведь это легко можно проверить, познакомившись со стихами. Оказывается все, что хотела сказать Ганна Шевченко — сказано, за лапидарными строками открывается широкое творческое пространство, где перекачивается долгое эхо, раздается протяжная переключка смыслов, аллюзий, отсылок.

Наверно, можно отметить, что не все в стихах равнозначно, впрочем, иначе и не бывает. Гораздо важнее, что Ганна Шевченко нашла себя, свой голос, не боится рисковать, не страшится идти навстречу своей судьбе.

мое пространство совсем маленькое
оно недавно родилось
я учу его разговаривать

я говорю: *тетрадь*
оно повторяет: *лес*

я говорю: *мука*
оно повторяет: *колосья*

я говорю: *космос*
оно повторяет: *дом*

скоро мое пространство окрепнет
станет большим
и мы заговорим на одном языке

Геннадий Калашников

*писать стихи
очень просто
записываешь слова
в столбик
и все
даже рифмовать
не обязательно*

Воздух

Вот он, танцующий воздух, кружится у костра,
легким прозрачным платьем делает ветерок.
Скатерть поляны тихой ласкова и пестра,
возле огня неспешно выгорел ободок:

*воздух из глины
из комариных писков
воздух сверчковый в белых цветах каштана
воздух из мяты
воздух из тамариска
воздух молочный теплых густых туманов*

*воздух из кремня
воздух из малахита
замерший воздух каменных истуканов
угольный воздух
древнего антрацита
взорванный воздух кратеров и вулканов*

Чтобы метать горстями выстраданный огонь,
нужно себя до точки испепелить в костре.
Кто там вверху буянит как норовистый конь?
Это восставший воздух мечется на горе.

Маленькая молитва

я видела твой образ
на фанерной доске
с надписью «пропавший без вести»
беззащитный ребенок
с потерянными глазами
в платье
заношенном до лохмотьев
загнанный в тысячи
церковных углов
нуждающийся в благословении
больше любого из нас

чем я могу помочь тебе
что я могу сделать для тебя
Бог

Пугало

Я говорю ему:

— Что ты стоишь, как пугало,
нет радости в тебе, нет умиленья.
Даже когда детишки бегают рядом,
стоишь как мертвый,
не улыбнешься.
Глаза твои, как орехи,
руки сухи, как ветки,
шапка набита сеном,
рот обтекаем,
как камень под водопадом.

Он отвечает:

— Глаза мои — два ореха,
руки — сухие ветки,
шапка набита сеном,
рот обтекаем,
как камень под водопадом.
Я пугало, пугало огородное.
Стою себе посреди огорода,
ни с кем не знаюсь.
И на детишек,
которые бегают рядом,
плевать мне, и всё такое...
И вообще,
не мешай мне, иди отсюда,
отойди от меня,
не заслоняй мне солнце.

Похожее на слово «клуба»

Я постоянно куда-то спешу, у меня заботы.
Вот и сегодня пошла за хлебом, вижу белое что-то
под ногами мелькнуло и юркнуло в летнее кафе
под столик.

Я — за этим белым. Думаю, а вдруг это кролик.
Сижу и жду, как дурочка на вокзале,
покрутила в руках меню, пиво себе заказала.
А это белое из-под стола взметнулось,
как мячик подпрыгнуло и птицею обернулось.
Но я из кафе уходить не стала,
сидела за столиком, меню листала.
И в этой книге на последней странице
рядом с ценами на итальянскую пиццу
три стрелочки «прямо», «налево», «направо»
нарисованы неотчетливо и коряво.
Под стрелкой «направо» написано — «как бы жизнь»,
под стрелкой «налево»- «как бы смерть».
Зачем я села за столик? Зачем стала это меню смотреть?
Зачем вообще я в это кафе приперлась?
Я бы выбрала стрелку «прямо», но под ней надпись
стерлась.

А та птица белая ещё долго надо мной летала,
будто я ей нужна, словно я ее чем-то заинтересовала.
Потом вдруг села на тротуар недалеко от ночного клуба,
и превратилась во что-то цветущее, похожее
на слово «клуба».

Сестра

Сидит сестра моя
на берегу вспаханного поля,
как рыбку ловит последние зерна.
Чернозем волнуется, брызжет отравленной солью,
выбрасывает пену под куст терна.

Подхожу к ней, старая и кривая,
рыдаю, чтоб вызвать жалость.
Говорю:
— Видишь, мне холодно, я умираю.
А она мне:
— Ты не жила ещё,
не рождалась.

Кричу ей:
— Сейчас будет буря!
Взгляни, заволокло небо!
Она брови хмурит,
не двигается,
глядит на мальки хлеба.

Ухо Ван Гога

одеваюсь
кладу в карман
отрезанное ухо Ван Гога
выхожу на улицу

вижу птицу
говорю:
— птица!
она не слышит
разворачивается
улетает

вижу собаку
говорю:
— собака!
она не слышит
разворачивается
убегает

вижу человека
говорю:
— человек!
он не слышит
разворачивается
уходит

(Боже мой!
почему все так глухи!?)

достаю из кармана
ухо
шепчу в него:
— ...милый...
...милый...
...хотя бы ты, услышь меня...

Мой холодильник Дима

Это невыносимо,
неопытен, годовал,
мой холодильник Дима
Катей меня назвал.

В окнах творится осень,
плавают облака,
видимо, губы просят
капельку кипятка.

Может быть, в магазине,
где он приобретен
пластик или резина
были со всех сторон.

Да и сейчас не лучше —
вспорот живот тунца,
в камере сбились в кучу
бройлерные сердца.

Дима, держись, я тоже
маюсь своей зимой,
как мы с тобой похожи,
Господи, боже мой.

В-о-д-а

переполняющая
сочащаяся
утоляющая

теплая
мягкая
вытесняющая себя из себя
по закону Архимеда
столько
сколько заняло
стройное женское тело
в ванной
колышущая лепестки роз
в белоснежной пене
для ночи любви
ароматами насыщающая
расслабляющая

бегущая
по ржавым водопроводным трубам
в открытый кран
в ладошку ребенка
вернувшегося с прогулки
очищающая
ползущая мутными змейками
в сливную воронку
частицы дворовой пыли
уносящая

фильтрованная
обездвиженная
в прозрачном кувшине
ожидающая чаепития
наполняющая электрический чайник
до отметки 1 л.

нагревающаяся
пронизанная серебристыми пузырьками
за секунды до кипения
льющаяся из носика
в горку китайского зеленого
заваривающая
темнеющая
согревающая

растворяющая
в половине стакана
20 капель корвалола
трясущаяся
в ветхой руке старухи
текущая
в горло в желудок
всасывающаяся слабой кровью
сосудами капиллярами несомая
испуганное сердце
успокаивающая

испаряющаяся
поднимающаяся к куполу атмосферы
тяжелеющая
собирающаяся в облака в тучи
зреющая гремящая
падающая косыми стежками
кладбищенские цветы
омывающая

перетекающая
впитывающаяся
ускользающая

Кладбище

в городе случилось несколько смертей
покойников отнесли на кладбище
положили в лунки
забросали землей

через некоторое время
на могилах расцвели
кресты

Косточки перечесть

Рыба лежит,
дребезжит хвостом,
ерзает животом.
— Ты, — говорит, — не жалею о том,
что я попала в твой дом,
что руки твои в моей чешуе
и запах стоит кругом.
Я полежу на твоём столе,
рядом с твоим ножом
и расскажу о воде, земле,
или ещё о чём.
На блюде — отрезанная голова,
стеклянными стали глаза,
но я ведь жива,
все равно жива.
И хочется мне сказать
о тихой, медленной
смерти моей,
о дробном дрожании скул,
о том, как старик ходил по песку,
словно по волоску.
Щурился,
в море забрасывал сеть,
и долго-долго тянул.

Тебе остается всего лишь съесть,
косточки перечесть.

Домохозяйкин блюз

Когда зажигаешь на кухне свет, становится ясно,
где лежат салфетки, где брошено полотенце.
Можно запрыгать от радости, можно запеть чуть слышно
домохозяйкин блюз под шумок кастрюльный.

*сколько воды из крана течет под камень
сколько воздушных масс над плитой клубится
сколько огня под старой сковородою
сколько земли в цветочных горшках твердеет*

И уже не боишься, что кто-то крадется сзади,
и совсем не пугает тот, кто в углу за дверью.
Потому что темнота — это теперь не страшно.
Потому что тьма — это когда лампочка перегорела.

На двенадцатый день

А на двенадцатый день я встретила того, кто со мной
говорил.
Он лежал больной, в млечный путь завернут как в одеяло.
Не то, чтобы он этим меня удивил,
но не таким я себе его представляла.
Он запивал лекарство, с трудом удерживая стакан,
другой рукой что-то нащупывая на серебряном блюде,
потом протянул мне пуговицу и сказал:
Вот океан — возьми и покажи его людям.
В этот момент пошел метеоритный дождь,
и я промокла от макушки до платья,
а пуговица растворилась как горстка соли.
Знаете, наверно, это и есть счастье,
когда океан плещется в твоём подоле.

* * *

большие и круглые
белые киты
плывут в океане
каждый в своем направлении
иногда встречаются
радуются
пытаются обняться
но ничего не выходит
они отталкиваются как мячи
большие и круглые
и плывут дальше
каждый в своем направлении

Охранник Геннадий Сушко

С редющей грядкой последних седин,
с обтянутым формой брюшком,
томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

Он утром увидел ее у стола —
она покупала морковь,
но мимо него, изогнувшись, плыла
ее равнодушная бровь.

В «Пятерочке» цены сегодня смешны
на яблоки и молоко.
Он сделал бы скидку, ушел от жены,
но образ ее далеко,

как будто она — молодой лимузин,
а он догоняет пешком.
Томится у кассы № 1
охранник Геннадий Сушко.

Мне в детстве было многое дано

Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твердая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.

Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе,
мне нравилась базальтовая тишь
и мертвый флюгер на соседней крыше.

А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестеренками забоя.

Рыбка моя рыбка

у моей рыбки
чешуя как у сибирской кошки
я глажу ее по шерстке
ах рыбка моя рыбка

она мурчит
и прячется под мой зонтик
потому что сегодня
мороз и немного солнца

и день вообще чудесный
а кто-то еще дремлет
пора же проснись
слышишь

ах рыбка моя
рыбка

Мать

Я зашла в опустевший вагон и увидела мать.
— Что ты делаешь в этом составе,
среди шелеста старых пакетов,
среди колыхания стен? —
спросила я маму свою.

Она мне сказала:
— Можно
раны твои расцелую,
плечо твое пледом укрою,
пылающий лоб увлажню?
Можно я буду рядом, куда бы ни ехала ты?

Я растерялась:
— Мама, скажи, ты больше не будешь
пугать меня искупленьем?
В угол меня не поставишь
за то, что коса расплелась?
Не назовешь меня дылдой
за то, что я выше других?

— Ах, глупый, глупый ребенок, —
тихо ответила мать, —
скоро наступит утро,
ты, наконец, проснешься,
память твоя зарастет
ромашками и земляникой.
Реки в твоих глазах
выйдут из берегов.
На поле твоих колосьев
выпадет первый дождь.
Все будет иначе.
Все будет по-другому.
Поверь мне,
я знаю
о чем говорю.

Вихри космических бурь

я не видела «вихри космических бурь»
но видела пластичный танец занавески
вокруг цветущих бегоний

я не знаю как «рождаются вселенные»
но знаю как тяжело и мучительно
рождаются люди

я не представляю как «рвется ввысь нагая душа»
но знаю как она вздрагивает
когда оступается и падает
мой ребенок

Чистого льна

Я надела блузу чистого льна,
светлые джинсы
и пошла на пруд.
Села на траву,
закинула удочку
и вытащила рыбу.
На ней была блуза чистого льна
и светлые джинсы,
испачканные травой.
Она задышалась.

Такая жара

такая жара
что я начинаю видеть горы
осевшие от времени
они мне кажутся чистыми
потому что на их плечах
лежит стиральный порошок

такая жара
что горы начинают видеть меня
осевшую на диване
я кажусь им серой
потому что на моих плечах
лежит вулканический пепел

такая жара
что по вечерам
все старушки нашего подъезда
выползают на улицу
салятся на скамейки
и говорят о жаре

такая жара
что я не знаю
как закончить это стихотворение
поэтому ставлю вот здесь
знак вопроса
?

Капсула Блока

Вот мое тело, важный, простой белок,
едет через таможду, а за окном все то же:
ночь, привокзальный морок, улица и фонарь,
медленный пограничник в белой рубашке, Боже,
вот моя сумка, я трепешу как тварь,
вдруг обнаружит, что у меня под кожей
спрятан в коробке сам Александр Блок,
спит как щенок, прихлопнув себя рогожей.

Уйди, пограничник, я еще молода,
если не веришь, я переkraшу имя,
капсула Блока действует на меня
я начинаю путаться в псевдониме.
Знай, пограничник, вся моя болтовня,
будет короткой, как выброс адреналина,
будет подземной, вычурной, как вода
с запахом севера, с привкусом украины.

Пепельница

Спит придорожный камень и видит сон:
небо созрело,
тучи со всех сторон
пеются, пузырятся и все черней
ветер шампанский в чаше пролитых дней.
В колотом небе льдинки острее сна —
гром накаляет комнату докрасна,
тихую спальню со столиком посреди,
комната стонет,
в окнах ее — дожди.
Столик подрагивает,
пепельница звенит,
к самому краю воздух ее теснит,
никто не подхватит, руки не протянет ей,
пепельница на грани,
камень, проснись скорей.

Рисовать котят и барашков

младшая любит
когда я рисую
котят и барашков
старшая любит
задавать вопросы

часто у меня перед глазами
появляется текст
он мерцает кольшется
размывает пространство
мне нужно пять-десять минут
чтобы опомниться
понять суть
схватить его за хвост
я беру лист бумаги
ручку
и бегу на кухню
девочки бегут за мной
младшая забирается на руки
виснет на шее
старшая спрашивает —
что ты пишешь?

в такие минуты мне хочется
перебить посуду
броситься с балкона
заорать:
бля-я-я
оставьте меня в покое
хоть на пять минут!
но я знаю что так нельзя
что хорошие мамы
так не поступают

я отвечаю: *ничего*
переворачиваю лист
и рисую
котят и барашков

Иди отсюда

подошла
это я значит
к русской литературе
стала рядом
а она гордая
неприступная
внимания не обращает

а я стою себе такая
с места не двигаюсь
каблуком об асфальт постукиваю
ворон считаю

и вдруг она снизошла
взор обратила
че говорит пристала?
че тебе от меня надо?
не стой рядом
отвали от меня
иди отсюда

сама говорю отвали
и стою себе дальше
с места не двигаюсь
каблуком об асфальт постукиваю
ворон считаю
узелки на память
завязываю

Мое

мое пространство совсем маленькое
оно недавно родилось
я учу его разговаривать

я говорю: *тетрадь*
оно повторяет: *лес*

я говорю: *мука*
оно повторяет: *колосья*

я говорю: *космос*
оно повторяет: *дом*

скоро мое пространство окрепнет
станет большим
и мы заговорим на одном языке

Вера

Она встречает его в прихожей, говорит:
— Вымой руки, —
идет в кухню, наливает горячий суп.
Смотрит, как он ест.
Замечает, что две волосинки поседели у него в носу.

Он вспоминает:
— У Сергея Петровича сегодня умерла мать...
Она головой качает,
ставит будильник на семь тридцать пять.

Потом они ложатся в постель,
укрываются пледом и спят.
Спят. Спят. Спят.
Прижавшись друг к другу спинами,
восемь часов подряд.

Утром он кричит ей:
— Вера, у нас кончилась бумага!
Она ворчит сквозь сон.
Затем встает, прихрамывает,
подает ему новый рулон.

Яблоко полудня

хорошо
что яблоку негде упасть
пропасть заполнена перьями и цветами
и только розовый куст машет крыльями на краю
и дышит прерывисто полными парусами
хорошо
что собака лежит под кустом
стучит хвостом
грызет соленую клетку
парус взлетает на миг
оседает как пыль
а яблоко полудня
падает падает с ветки

Мертвая кошка

Я шла по тротуару и увидела на обочине мертвую кошку.
К ней приближалась женщина с лопаткой и веником.
Она сгребла труп в пакет и сказала:
— Это моя кошка, я буду ее хоронить.

Но я шла в магазин верхней одежды,
поэтому вскоре забыла про кошку.

В зале играла легкая музыка.
И стоял мертвый человек в пальто и шарфе.
Я сказала продавцу-консультанту:
— Дайте мне веник и лопатку.
Это моя кошка, я буду ее хоронить.
Он ответил:
— Это не кошка, а пластмассовый человек,
выйди из нашего магазина.

Потом он смотрел мне в след, показывал пальцем
и что-то говорил другому продавцу-консультанту.

Я вернулась домой.
Зашла в лифт и увидела лужу крови.
Я с трудом доехала до десятого этажа.
Мне было плохо.
Я вышла.
А навстречу мне соседка с тряпкой и ведром.
Я сказала ей:
— Там кровь. Там умерла кошка.
Я буду ее хоронить.

Она мне ответила:
— Это не кровь. Я только что пролила томатный сок.
Иду мыть лифт.

Потом она смотрел мне в след, показывала пальцем
и что-то говорила другой соседке.

Я вошла в свою квартиру.
Посмотрела в зеркало и увидела мертвую кошку.
Это моя кошка.
Я буду ее хоронить.

* * *

над перекрестком глаз открылся
и пешеходы растерялись
идут плечами пожимают
соображают: что же делать?
походку делают ровнее

а глаз все смотрит из-под тучи
соображает: что же делать?
подмигивает светофору
на зебру смотрит удивленно

Гостья из будущего

Алиса, ты меня помнишь, мы лежали с тобой вдвоем
в больнице. Ты помнишь? Я — Юля, Грибкова Юля.
Алиса, ты меня слышишь, ответь мне, прием, прием!
Мы тут все в шоке. Нас кажется, обманули.
Вы обещали, что Мила станет врачом,
а она торгует, держит точку на «Черкизоне»,
Фима бухает, Герасимов стал бичом,
я растолстела, Сулима сидит на зоне.
Что у вас там случилось? Вы проиграли войну?
Спаси, сохрани нас, Господи, твоя воля.
Пираты сбежали, или еще в плену?
Ведь им ничего не сказал истерзанный мальчик Коля.
Алиса ты меня слышишь, ответь мне, прием, прием!
Наш мир завоевали Крысы с Весельчаками.
Но мы еще терпим, мы дышим, живем и ждем,
что скрипнет белая дверь в заброшенном доме
с высокими потолками.

Про Валеру

Валера живет возле мусорных баков,
копается в хламе, как кладоискатель,
живущая рядом большая собака
его понимает, как добрый приятель.

Валера безумен. Ведет диалоги
то с тополем старым, то с новым забором,
то с мышью в своей деревянной берлоге.
Я слышу его обращенье, в котором

Валера на чай приглашает соседа:
«Я чайник поставил, нажарил картошки,
тепло в моем доме, проведайте деда,
зайдите ко мне, поболтаем немножко».

И стонет, и воеет, и плачет как будто,
и словно рукой раздвигает портьеры,
и пальцем елозит по векам надутым.
Зайду на минутку, тепло у Валеры.

Схлестнувшись языками

Я так люблю огонь...

Елена Шварц

Я так люблю огонь,
что я его ревную.
К дверям бросаюсь,
только лишь шаги
услышу,
и кричу ему:

— Неверный!
Ну, где ты пропадал?
Я без тебя
на молнии бросаюсь животом
и бьюсь, как кремень, о другие кремни!

А он горит и смотрит на меня.
И мы молчим,
схлестнувшись языками.

Рассказ про Чарльза Буковски

Выхожу на улицу и рядом с рекламным щитом «Ессо»
вижу Чарльза Буковски, казалось бы, мертвого человека.
Идет себе, как живой, со свертком в левой руке,
а в правой держит золотой ключик,
как бабочку на поводке.

В глазах — инсталляция конца света,
в остальном — похож на свои портреты.

Кричу ему:

— Привет, Буковски! Куда идешь? Ай лав ю!

Он отвечает:

— Иду в «Букбери», покупать свои интервью.

Потом прищурился, и говорит:

— Боже мой.

Ты в моем вкусе, бэби, пойдём со мной!

Отвечаю:

— Буковски, твою мать,

ты бы не выпендривался, а научил бы меня писать.

Он говорит:

— Не пиши лирику, про чаек над морем —
как они летают, каркают, и все такое...

Много думай, но мало пиши о душе.

Пиши про шлюх, бабников и алкашей.

Поменьше соплей и нравственных поучений.

А давай зайдем в бар, сядешь ко мне на колени,

я закажу дринк, ощупаю твою фигуру,

и всё расскажу про американскую литературу.

Но вдруг как загрохочет небо, ветер как налетит.

И его, как букашку вдавило в рекламный щит.

Теперь он стоит, улыбаясь, с ботинком «Ессо» в левой руке,

но в правой все так же держит ключ, как бабочку, на поводке.

А я вот сижу, думаю о душе,

пишу рассказ о бабнике и алкаше.

Середины шар

зрение мечется
от плюса к минусу
не замечая
где крест могильный
где нательный

вот микрочастица
лежит отдельно
трудно разобрать что это
семечка или пожар
лежит поперек дороги
горит
как середины шар

Улыбнуться что ли...

Середина лета. Зной томится над головой,
из форточки пахнет скошенной травой.
Это дворник газонокосилкой жужжал с утра
у него жизнь проста, как веник, а у меня игра,
то в жену, то в подругу, то в дочь, то в мать.
Куда бежать мне? Где мне себя искать?
В какой берлоге такие, как я, живут?
Где то, без чего жабры мои гниют?

Вот суп сварился. Нужно выключить газ.
Я рассеянна, забывала уже не раз,
обо всем забывала.
«Хит FM» мне сейчас поет,
что учение стойков меня спасет,
что сильный воин и один не загнется в поле.
Подойти к зеркалу, улыбнуться что ли...

Я почти ничего не вижу

мои руки стали ветвями
мои ноги длинны как корни
я не знаю что теперь делать
как я пойду на работу
как открою зеленый зонтик
как ударю по клавиатуре
я почти ничего не вижу
кроме птиц
на ладонях сидящих

Как жаль

Холодный день, окраина Подольска,
в окне стоит природа, как живая,
морозно, но еще не скользко,
я этот день хорошим называю.

Я этот день предвидела когда-то,
я говорила: ветки опустеют,
мне кажется, я называла дату,
мне кажется, что я гордилась ею,

вот этой датой, названною кожей,
предчувствованной снами и кровями,
что я однажды закричу: о боже,
все небо заштриховано ветвями!

И стану звать с какой-то дикой жадой
под слоем неба спрятанное солнце.
Как жаль, что день закончится однажды,
как жаль, что ночь когда-нибудь начнется.

Сочувствие

Когда я искала сочувствия
там, где его не бывает,
я забрела в заброшенный сад.

На яблонях зрели глиняные колокольчики.
Они качались на ветках,
всхлипывали на ветру,
роняли тихие звуки на дно ручья,
бегущего между деревьев.

Так вот как бывает,
значит, мир еще жив,
значит, не все безнадежно,
значит, не стоит жалеть
о том, что течет.

Другое копые

в землю вонзилось копые
пустило корни
отрастило ветви
покрылось листвой
окужило себя щебетаньем

рядом вонзилось другое копые
пустило корни
отрастило ветви
покрылось листвой
окужило себя щебетаньем

а потом пришла женщина

натянула веревку
от одного ствола к другому
достала прищепки
и стала сушить на ветру
белую скатерть
пару перчаток
и детский чепчик из ситца

Речь о большом человеке

Он весь заштрихован магическим мелом,
в его волосах расцветает омела,
стоит, как подсолнух, качаясь в ночи,
шуршит палантином из белой парчи,
и мне говорит:

*— Вот теперь я готов
трактат написать об упадке лесов —
деревья мертвы, как подземные реки,
им выжить бы речь о большом человеке,
который обучит детей ремеслу
цвести по весне, прижимаясь к стволу,
смеяться и плакать,
плоды собирая,
листвой дирижируя,
ветром играя.*

Тонкое место

вот на пустыре тонкое место
когда-то здесь дом рос
колыхал колоннами тел
а потом он исчез
пропал куда-то
взмахнул крыльями и улетел
что будет
что теперь будет
как я узнаю о чем он думал
когда один глаз его горел
другой не горел

Пожалуйста вам

Однажды придет занимательный день —
старуха падет на плетень,
взойдет из оврага навстречу ветрам,
и скажет: «Пожалуйста вам».

Спрошу ее: «Где ты так долго была,
зачем ты в овраге спала,
зачем распрямилась на стыке угла,
зачем над дорогой взошла?»

Она мне расскажет: «Неделю назад
мне снился сияющий сад,
как будто на ветках цветет все подряд
как будто рябины горят,
И я пробудилась от долгого сна,
восстала с пустынного дна,
смотрю, надо мной заострилась сосна,
смотрю, наступила весна»

«Ступай же, старуха, — отвечу я ей, —
туда где сады горячей,
туда, где рябины горят у корней,
туда, где трава зеленой».

Она не ответит на эти слова —
из глаз засочится смола,
пойдет, молчалива и тяжела,
как тень моего естества.

Шестирукий человек

Вот шестирукий человек
идет к сараю. Видит грабли.
Глаза на доброй голове
не удивляются ни капли.

*Он грабли за руку берет,
в сады весенние ведет.*

Его походка силача
любого утрашить могла бы.
Капель он держит на плечах,
вода — игрушка не для слабых.

*Он грабли за руку берет,
листву засохшую гребет.*

Парят над ветками садов
его натертые ручищи.
Уходят тучи холодов,
природа делается чище.

Запах бузины и чабреца

Заколочен досками колодец,
возле грядок брошены лопаты,
незнакомый и нетрезвый хлопец
курит возле дедушкиной хаты.

Выплывет хозяйка, озираясь —
что хотят незваные шпионы?
Выплеснет помои из сарая
в бабушкины флоксы и пионы.

Детство отшумело и пропало,
убежало странствовать по стерням,
затерялось в гуще сеновалов,
растворилось в воздухе вечернем.

Лишь стоит за сломанной калиткой,
возле обветшалого крыльца,
нерушимый, крепкий, монолитный,
запах бузины и чабреца.

Хозяйка горы

В пещере своей разжигая костры,
хозяйка крутой жигулевской горы
ругается и сквернословит —
обед повсеместный готовит.
Она понимает природу вещей,
колдует над варевом из овощей,
лавровую ветку бросает,
и пену шумовкой снимает.

Ей трудно. Из глаз выделяется пот,
в руке ее белый половник цветет,
хребет ее тяжесть пронзает.
Ей больно. Она это знает.

И если сегодня никто не придет,
и завтра никто никуда не придет —
никто никуда никогда не придет.

Ей страшно. Она это знает,
прокисший бульон выливает.

Невеста

По мягким полозьям вельвета
плывет, озаряя углы,
невеста, продетая светом
в любовное ушко иглы.

Отец поцелует сердечно
в дизайнерский локон виска
и в море отпустит навечно.

Посмотрит с улыбкою, как
минуя нарядные лица,
плывет к ней ее водолаз,
с цветком в белоснежной петлице
с блестящими кошками глаз.

Тиха расплавленная ночь

Тиха расплавленная ночь
в степи восточной Украины,
не превзойти, не превозмочь,
не долететь до середины.

Но отрывается скала,
плывет, как парус одинокий,
в тумане моря и стекла,
чтобы найти в стране далекой

дом, что цветет на валунах,
растет и делается выше,
покуда жидкая луна
стекает с черепичной крыши.

Утренний спиритизм

Иду, а он стоит на том же месте,
не сводит с меня глаз.

Говорю ему:

— Здрасьте.

Он отвечает:

— А у нас в квартире газ.

Говорю ему:

— Мне нужно идти, у меня разболелся живот.

Он отвечает:

— А у нас водопровод. Вот.

Говорю ему:

— Я очень спешу, у меня кошка дома одна.

Он отвечает:

— А из нашего окошка площадь какая-то...эх, забыл...видна.

Говорю ему:

— Сергей Владимирович, оставьте, наконец, в покое меня!

Он отвечает:

— Нельзя быть такой занудой! —
и на ветру колышется, как простыня.

Про Филипповну

У Филипповны сумка с дырой,
прохудившийся шарф и калоши,
кардигана немодный покррой,
аметисты на старенькой броши.

То на кладбище ходит пешком,
носит мужу конфеты с печеньем,
то лежит, обвязавшись платком,
занимается самолеченьем.

Были б дети, пекла б пироги,
молодилась, за внуком смотрела,
а теперь под глазами круги,
да тяжелое, сонное тело.

Потому что пришли холода,
одиночество, осень, простуда,
потому что уже никогда,
никого, ничего, ниоткуда.

Кончилось тепло

Природа выбивается из сил,
текут остатки солнечного воска,
и Карлсон перелетный водрузил
флаг осени над мэрией Подольска.

Тепла не будет. Кончилось тепло,
сентябрьский ветер просится под кожу,
стоит по струнке первое число,
как школьник с перекошенной рожей.

Уйди, душа, как бабочка, в проем
оконный, и крылатым манекеном
перезимуй в молчании своем,
холодном, незаметном, неизменном.

Сезон отопления

Сезон отопления не начал,
промозгло в берлоге твоей.
С ветрами над пашнями пляшет
дымок деревенских печей.

Коттеджей каминное сердце
уже застучало теплом,
а ты все не можешь согреться,
в хрущевском углу нежилом.

То чай, обжигаясь, глотаешь,
гоняешь под свитером дрожь,
то кутаешь нос в малахае,
и нехотя в кухню идешь.

Включаешь четыре конфорки,
садишься на пару минут
смотреть, как небесные зорьки
на газовом поле цветут.

* * *

Здравствуй Бог, я, похоже, мертва,
у меня на лице ни кровинки,
я попала в твои жернова,
так и надо мне, дуре, кретинке.

Вот пылинка на рукаве,
и немного во рту пересохло,
от того, что сейчас в голове,
год назад я, наверное, сдохла б.

А теперь лишь смотрю на браслет
да спокойно дымлю сигаретой.
Сколько долгих, мучительных лет
я училась покорности этой.

* * *

День убывает, такое бывает,
звезды горят в темноте,
осени только еще не хватает
этой вселенской тщете.
Возле подъезда таджики хохочут,
гравий под ноги кладут,
утром прохожие все же затопчут
их жизнерадостный труд,
вдавят ботинками плоские шутки
в новый, пахучий асфальт.
А над Подольском которые сутки
звезды горят и горят.

* * *

Что ты, небо, хмуришь лоб,
я опять не то молчу?
Я поеду в церковь, чтоб
любоваться на свечу.

Фитилек, мой, фитилек,
воск, селитра, парафин.
Мы с тобой похожи, Бог —
я одна, и ты один.

А давай слетаем в лес,
над маршрутками паря?
Это происки небес,
это тяжесть октября.

Перчатки

Я перчатки сестрице вязала,
шлифовала свое ремесло,
беспокоилась, нитку терзала,
чтобы пальчикам было тепло.

Похвала моему средоточью —
не смотрела ни в дверь, ни в окно,
я ходила на кладбище ночью,
из крапивы плела волокно.

Лицевая. Изнанка. Зазоры.
Нелегко со скрещеньем вязать.
Мне такие являлись узоры —
ни сказать, ни пером описать.

А когда я закончила дело,
мне сестрица сказала: «фигня»,
усмехнулась, перчатки надела,
а потом задушила меня.

Пин-код

В банке сказали: возьмите монету,
сильно не трите, водите легко,
там под полоскою серого цвета
вы обнаружите новый пин-код.
Вышла из банка. На детских качелях
мальчик качался, скрипели болты,
рядом в «Харчевне» чиновники ели,
терли салфетками жирные рты.
Птицы летели, собаки бежали,
дворники метлами землю скребли.
Вписаны эти мгновенья в скрижали
или же в ливневый сток утекли?
Город как город. Сроднился с планетой.
Город-инфекция. Город-налет.
Если стереть его крупной монетой,
взгляду откроется новый пин-код.

* * *

Такая музыка звучит,
что ничего не важно, кроме.
Но кто ей дал мои ключи,
и что ей нужно в этом доме?

Мне тяжело и хорошо,
невыносимо, безмятежно —
любви печальный порошок
летит с медлительностью нежной.

Над грязным городом моим,
над нерожденными домами,
над магазином молодым,
над поездами,
поездами.

Домовой

Кофейных духов дружба горяча.
Бессонным блюдцем с чашечкой стуча,
сидит всю ночь на страже домовой,
или юлит по стрелке часовой.
Дымок кофейный, сладковатый рай,
ешь пироги и дом оберегай:
мою посуду, книжки и покой,
мешок с хлебопекарною мукой,
кухонных драм томатные напасти,
чесночниц перепачканные пасти,
дверных ворот межкомнатный витраж —
рисунок клевера — кубический мираж.

Меня как будто нет

Меня как будто в мире нет,
я чувствую тоску,
я проплываю над столом
с коробками щедрот.

С сухими запахами рыб,
с рядами молока,
и словно льется белый свет
из дыр на потолке.

И этот долгожданный дождь
как будто для меня,
как будто льется обо мне
и под ноги течет.

А я иду сквозь магазин,
я делаю шаги,
в созвездьях ценников и трат
меня как будто нет.

* * *

Все будет хорошо,
пока еще мы живы,
пока горит блесна
от тяжести наживы,
пока течет река,
пока не рвутся сети,
пока несет рыбац
вселенную в пакете,
пока горчит икра
крупницами сомнений,
пока готовит мать
уху по воскресеньям,
пока не тает свет
за шторой кухонной,
пока не умер Бог
за маленькой иконой.

с о д е р ж а н и е

- 5 «Потому что уже никогда». *Мария Галина*
- 9 Учу разговаривать. Геннадий Калашников
- 15 Воздух
- 16 Маленькая молитва
- 17 Пугало
- 18 Похожее на слово «клумба»
- 19 Сестра
- 20 Ухо Ван Гога
- 21 Мой холодильник Дима
- 22 В-о-д-а
- 24 Кладбище
- 25 Косточки перечесать
- 26 Домохозяйкин блюз
- 27 На двенадцатый день
- 28 «...большие и круглые»
- 29 Охранник Геннадий Сушко
- 30 Мне в детстве было многое дано
- 31 Рыбка моя рыбка
- 32 Мать
- 33 Вихри космических бурь
- 34 Чистого льна
- 35 Такая жара
- 36 Капсула Блока
- 37 Пепельница
- 38 Рисовать котят и барашков
- 40 Иди отсюда
- 41 Моё
- 42 Вера
- 43 Яблоко полудня
- 44 Мертвая кошка
- 46 «...над перекрестком глаз открылся»
- 47 Гостя из будущего
- 48 Про Валеру
- 49 Схлестнувшись языками
- 50 Рассказ про Чарльза Буковски

- 51 Середины шар
- 52 Улыбнуться что ли...
- 53 Я почти ничего не вижу
- 54 Как жаль
- 55 Сочувствие
- 56 Другое копьё
- 57 Речь о большом человеке
- 58 Тонкое место
- 59 Пожалуйста, вам
- 60 Шестирукий человек
- 61 Запах бузины и чабреца
- 62 Хозяйка горы
- 63 Невеста
- 64 Тиха расплавленная ночь
- 65 Утренний спиритизм
- 66 Про Филипповну
- 67 Кончилось тепло
- 68 Сезон отопленья
- 69 «...Здравствуй бог, я, похоже, мертва»
- 70 «...День убывает, такое бывает»
- 71 «... Что ты, небо, хмуришь лоб»
- 72 Перчатки
- 73 Пин-код
- 74 «...Такая музыка звучит»
- 75 Домовой
- 76 Меня как будто нет
- 77 «...Все будет хорошо»

Ганна Шевченко
ДОМОХОЗЯЙКИН БЛЮЗ
стихи

Идея серии

Руслан Элинин

Редактор серии

Елена Пахомова

Дизайн серии

Дизайн-бюро «Ваггу&Вром»

Арт-директор Я. Красновский

Компьютерная верстка И. Королев

Литературный клуб «Классики XXI века»

Москва, Страстной б-р., д. 6 стр. 2,

Чеховский культурный центр

classick21@gmail.com

Подписано в печать 20.02.2012.

Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.

Гарнитура Baskerville Cyrillic.

Печать офсетная. Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»

127322, Москва,

ул. Милашенкова, д. 10, оф.96

Отпечатано в типографии «Вишневый пирог»

115114, Москва, 2й Кожевнический переулок, 12